

УДК 94(47).092
ББК 3.3(2)612
Б48

Печатается по изданию:

Авалов П. М. В борьбе с большевизмом.
Воспоминания генерала-майора кн. П. Авалова,
б. командующего русско-немецкой западной армией
в Прибалтике. Глюкштадт и Гамбург, 1925.

Бермондт-Авалов, Павел Михайлович
Б48 В борьбе с большевизмом: в 2 кн. Кн. 1 / Вступ.
ст. и коммент. С. И. Дробязко. — М.: Кучково поле,
2017. — 448 с. — (Военные мемуары)

ISBN 978-5-9950-0742-5 (кн. 1)
ISBN 978-5-9950-0707-4

В своих воспоминаниях П. М. Бермондт-Авалов — один из наиболее последовательных представителей прогерманской ориентации в Белом движении — рисует широкую панораму событий Гражданской войны в Прибалтике и на Западе России в 1918–1920 годах. Автор подробно рассматривает историю взаимоотношений России и Германии, причины начала Первой мировой войны, ее ход, этапы формирования Русской добровольческой армии, а также описывает Военное совещание в Риге в августе 1919 года, политическое положение в Прибалтике, дает яркие характеристики участникам событий.

УДК 94(47).092
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-9950-0742-5 (кн. 1)
ISBN 978-5-9950-0707-4

© ООО «Кучково поле», 2017

Прогерманская ориентация в Белом движении и авантюра Бермондта-Авалова

Прогерманская ориентация в Белом движении является одним из малоизученных аспектов истории Гражданской войны в России. Имевшее в основе своей антантофильский характер, Белое движение возникло и развивалось как борьба с большевиками, захватившими власть в стране, как многие считали, благодаря Германии. Вследствие этого войну с большевистским режимом представители российской контрреволюции, прежде всего ее демократического и либерального крыла, рассматривали как продолжение войны против императорской Германии совместно с державами Антанты. По существу, такой же взгляд на эти события имели и «верхи» главных стран Антанты — Великобритании и Франции, для которых необходимость возвращения России в лагерь союзников и ее участия в борьбе с Центральными державами сохраняла свою актуальность вплоть до заключения Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. и даже до подписания Версальского мирного договора 28 июня 1919 г. Именно этим объясняется военная интервенция Антанты в Россию и военно-экономическая помощь белым армиям А. В. Колчака, А. И. Деникина, Н. Н. Юденича и Е. К. Миллера, значение которой, по сравнению с участием союзных контингентов в вооруженной борьбе, было весьма существенным.

Если большевистская пропаганда времен Гражданской войны, а в дальнейшем и советская историография, изображали борьбу с белыми как противостояние «международному империализму», не забывая упоминать о «трех походах Антанты», то их оппоненты из белого лагеря считали, что так называемые союзники, руководствуясь своекорыстными политическими соображениями, не оказали Белому движению необходимой помощи и поддержки, что во многом объясняет его крах. Такого рода оценки звучали на протяжении всей войны, все более нарастая по мере ухудшения положения белых армий, порождая тем самым разочарование в союзниках и рост антиантантовских настроений. Так, например, адмирал А. В. Колчак в узком кругу говорил, что союзники (особенно после поражения Германии осенью 1918 г.) не стремятся к быстрой и решительной победе белых над большевиками, так как заинтересованы в ослаблении России. Это был взгляд, не лишенный оснований, но, с другой стороны, сами белые давали немало поводов для недоверия к ним союзников, которых отпугивали и отталкивали тенденции реакционности в Белом движении, проявление в нем реваншизма, неспособность объединить свои силы, амбиции вождей и т.д. Политическое руководство Антанты не могло не учитывать давления со стороны левого общественного мнения в своих странах, подозревавшего белых генералов в желании восстановить монархию и лишить народные массы завоеваний свободы и демократии.

Недовольство бывшими союзниками России (Антантой) в какой-то момент породило у части военных и политических деятелей контрреволюции стремление найти новую опору для борьбы с большевиками во вчерашнем противнике — Германии. Такие настроения стали активно проявляться с начала 1918 г. среди представителей правого (монархического) лагеря, многие из которых воспользовались возможностью выехать на террито-

рии, занятые германскими и австро-венгерскими войсками на основании заключенного в Бресте мирного договора между советским правительством и Центральными державами. В свою очередь, германское военное и политическое руководство начало оказывать поддержку тем антибольшевистским силам, которые были готовы создать лояльную по отношению к Германии власть, предотвратив приход на смену большевикам антантофильских сил (представителей либеральных и демократических партий), готовых восстановить Восточный фронт против Германии и ее союзников.

Центром прогерманской монархической контрреволюции в 1918 г. стал Киев. Подписав в Бресте отдельный мирный договор с украинской Центральной Радой, Германия ввела на территорию Украины свои войска, чтобы изгнать отряды Красной гвардии. В конце апреля, расценив деятельность Рады как недостаточно прогерманскую, немцы устранили ее, передав власть избранному на «съезде хлеборобов» гетману П. П. Скоропадскому, в недавнем прошлом — генералу Русской императорской армии, провозгласившему создание Украинской державы. «Украинская модель» возбудила в умах многих русских монархистов надежды на реализацию ее в общероссийском масштабе. В Киеве побывал даже признанный антантофил, лидер кадетской партии П. Н. Милюков, который вел здесь переговоры с некоторыми гетманскими министрами и германскими представителями о совместном походе немцев и русских антибольшевистских сил на Москву. Значительную активность в Киеве и вообще на Украине развил патриотический союз «Наша Родина» во главе с герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и М. Е. Акацатовым.

Прогерманской ориентации придерживался и генерал П. Н. Краснов, избранный в мае 1918 г. атаманом Войска Донского. В отличие от вождей Добровольческой армии М. В. Алексева и А. И. Деникина, заявивших о верности союзу с Антантой, донской атаман не мог прово-

дить такую же политику, так как это грозило оккупацией всей Донской области германскими войсками. При этом был бы ликвидирован буфер между немцами и Добровольческой армией, которая, оказавшись вынужденной сражаться на два фронта, была бы неминуемо уничтожена. Свою главную задачу Краснов видел в том, чтобы сохранить Войско Донское как плацдарм для борьбы за освобождение всей России. «России нет, Россия больна, поругана и истерзана, — писал он в 1918 г. — Дон сейчас одинок, и ему сейчас необходимо впредь до восстановления России сделаться самостоятельным и завести все нужное для такой жизни. Казачество должно напрячь все силы и всеми мерами бороться с большевизмом, участвуя в освобождении России от большевистского засилья. Все, кто против большевиков, — наши союзники. С немцами казаки воевать не могут: их приход надо использовать в целях успешной борьбы с большевиками и вместе с тем показать им, что Донское войско не является для них побежденным народом».

Краснов и назначенный им командующий Донской армией генерал С. В. Денисов надеялись на помощь монархической (и как бы идеологически близкой) Германии в борьбе против большевиков, и эти надежды имели под собой определенные основания. Видя в большевиках временных союзников, германское руководство осознавало исходящую от них опасность и с лета 1918 г. всерьез рассматривало возможность похода на Москву, чтобы привести к власти предсказуемое и доброжелательно настроенное по отношению к Германии правительство. В рамках подготовки к этому походу на территории Украины, Донской области, а также Богучарского и Новохоперского уездов Воронежской губернии, занятых донскими казаками, русскими монархистами при активной поддержке атамана П. Н. Краснова и гетмана П. П. Скоропадского шло создание ряда антибольшевистских формирований, таких как Астраханская армия,

Южная армия и Русская народная армия (впоследствии объединенные в Особую Южную армию как Астраханский, Воронежский и Саратовский корпуса).

Одновременно с созданием прогерманских белых формирований на Украине и на Дону такие же войска начали формироваться в районе Витебска и Пскова, на оккупированной немцами русской территории, примыкавшей к Прибалтике. Здесь русские монархисты, возглавляемые такими деятелями, как бывший председатель Совета министров А. Ф. Трепов, правый думский депутат Н. Е. Марков и другие, добились от германских оккупационных властей поддержки в организации Северной армии, командование которой предполагалось предложить генералам В. И. Гурко, Н. Н. Юденичу или Ф. А. Келлеру. Последний из них пользовался наибольшим авторитетом среди монархистов как один из очень немногих генералов, показавших свою верность престолу в мартовские дни 1917 г. и обладавший, к тому же, большими военными заслугами, — генерала от кавалерии Келлера называли «первой шашкой России».

Но расчетам русских монархистов-германофилов не суждено было сбыться. Последнее германское наступление на Западном фронте в июле 1918 г. потерпело неудачу, в начале августа войска Антанты перешли в контрнаступление, и военное положение Германии на протяжении осени неуклонно ухудшалось. В начале ноября в стране разразилась революция, монархия пала, пришедшее к власти Временное правительство заключило 11 ноября перемирие с державами Антанты, признав поражение в войне и обязавшись эвакуировать все оккупированные немцами территории, в том числе и на востоке.

Начало эвакуации германских и австро-венгерских войск с Украины послужило сигналом к восстанию против гетмана. В декабре П. П. Скоропадский бежал в Берлин, изгнанный из Киева войсками Украинской дирекции под командованием С. В. Петлюры. С территории

тельством угнетаемых народов, ибо для этого достаточно вспомнить буров и ирландцев.

Задачи моей книги не позволяют мне коснуться этой мировой интриги в более широком масштабе, но мне кажется, что и этого мимолетного обзора будет достаточно, чтобы подчеркнуть политическое положение Европы в период последних сорока лет перед началом «Битвы народов».

Галантные французы времен своей Империи говорили, что «il ne faut pas mettre les points sur les «i»^{*}, но я как солдат, привыкший к борьбе в открытом поле, иду напрямик к своей цели и не задумаюсь высказать истину кому угодно, совершенно не считаясь, приятна ли ему она или нет.

Вот почему я полагаю необходимым еще сделать из всего вышесказанного следующие окончательные выводы:

1. Главной причиной мировой войны являлась интрига Англии, которой единственной эта война была нужна, дабы при ее помощи вывести из строя европейского фронта два великих народа — русский и германский.

2. Место главной виновницы начала этой бойни также неоспоримо принадлежит той же Англии.

3. Россия, Германия, Австрия и Франция могут быть отнесены к числу бессознательных соучастников великого преступления, причем степень их виновности определится размером их восприимчивости указанной интриги и склонностью поддаваться гнусной провокации.

Заканчивая на этом свой очерк, я позволю себе высказать уверенность, что все вышеизложенное найдет живой отклик в сердцах каждого народа и заставит не одного человека сознаться, что в этих коротких заметках есть мысли и его самого.

ГЛАВА III

Начало и ход мировой войны

Начало мировой войны ознаменовалось во всех воюющих странах взрывом патриотических чувств и полной готовностью защищать пределы родной земли от вторжения неприятельских сил. Такого рода настроение было наглядным показателем, что сорокалетняя подготовка возымела свое действие на государства и широко задуманная интрига Англии проникла даже в сердца народных масс. За последние сорок лет под руководством Англии правительства великих держав сделали столько ошибок, что их было вполне достаточно, чтобы не только обострить взаимные отношения, но даже довести до вспышек национальной ненависти.

Главнейшей ошибкой было заключение неестественных союзов, долженствовавших установить злополучное европейское равновесие. Начало положила Германия, образовавшая Тройственный союз с Австрией и Италией. Германия, объединенная Пруссией и с прусским царствующим домом, и Австрия — старые соперники из-за гегемонии среди германских народностей, разрешенной в 1866 году Австро-Прусской войной; не говоря уже о том, что Австро-Венгерская империя имела в числе своего населения 2/5 славянских народностей, состоящих из чехов, словаков, поляков, русинов, словенцев, хорватов и т. п., совершенно не годных для войны с Россией, если не из-за

^{*} Не стоит ставить точки над i (фр.). — *Примеч. ред.*

симпатии к русским, то хотя бы из-за ненависти к немцам-поработителям. О союзе Германии с Италией и Австрией с Италией и говорить не стоит — общих интересов и задач налицо не имелось, а были лишь старые счёты в прошлом.

Затем другая чашка весов — монархическая Россия и крамольная Французская республика с многозначительным взаимным прошлым в 1812 и 1855 годах. Император Александр III и фривольный¹⁰ президент Феликс Фор. Здесь мне вспоминается рассказ о том, в каком затруднении был покойный император, когда ему предстояло принять прибывающего с визитом новоприобретенного союзника. По этому поводу было даже совещание, чтобы установить пределы, в которых должны были находиться отношения и приветствия. Да и в дальнейшем прием наших союзников-французов всегда был диссонансом на общем фоне монархической России. Достаточно указать на исполнение в присутствии государя военными оркестрами сейчас же после русского гимна французской «Марсельезы», играть которую в общественной жизни было строго запрещено, ибо она была символом мятежа и боевым кличем наших революционеров.

Однако великие державы, разделившись на два указанных лагеря, уверовали, и, по-видимому, вполне искренно, что находящиеся в одном — истинные друзья, а в другом — злейшие враги. Затем последовали и соответствующие действия. Достаточно было произойти в жизни одного из государств совершенно незначительному факту, как исход его уже ставился в зависимость от решения всех равновесящих держав, которые не замедляли в этой работе портить свои отношения и, внося сгущенную атмосферу, вполне рельефно делились на врагов и друзей.

Таким образом, Россия и Германия, имея в прошлом многолетнюю дружбу и будучи связанными в настоящем крепкими экономическими узами (25 % всего вывоза из России приходилось на долю Германии, и 28 % всего

вывоза в Россию шло из Германии), не имея фактически никаких крупных спорных вопросов, постепенно превращались из давних друзей в искусственных врагов. Считаю долгом здесь отметить, что Германия своим поведением очень облегчила задачу англичанам и французам в их деле восстановления русских военных и общественных кругов против германцев. С этой целью ими очень искусным образом был использован наш договор с Германией, который она получила от нас как плату за ее нейтралитет, когда мы находились в очень затруднительном положении во время нашей войны с Японией. Кроме того, указывалось, что Германия, пользуясь тем же тяжелым положением, выговорила у нас и военные выгоды для себя, как, например, срытие многих наших крепостей на германской границе. В тех же целях было использовано заявление, сделанное одним германским политическим деятелем, что будто бы Германия желает на деле осуществить свои крылатые мечты и превратить нас, славян, в навоз для удобрения земли, на которой должна произрастать и процветать германская народность. Таким образом, объявление войны Германией было понято нами как вызов с ее стороны, и мы все, от царя до солдата, решили защищать свою Родину от посягательств на неприкосновенность ее территорий и вообще от каких-либо экспериментов над ней.

По плану нашей всеобщей мобилизации, разработанной на случай войны одновременно против Германии и Австрии, мы концентрировали наши главные силы в районе города Люблина с целью направить решительный удар по слабейшему врагу — Австрии, оставляя против Германии лишь заслоны по линии наших крепостей, идущих по рекам Неману, Нареву, Бобру и Висле.

Однако положение на западном фронте, выразившееся в разгроме бельгийской армии и взятии всех ее крепостей, и назревавший таковой же разгром французской армии со взятием Парижа заставил изменить наше

первоначальное решение. Союзники французы через своего посла Палеолога умоляли нас произвести наступление на Германию и тем отвлечь часть германских войск с западного фронта, где обстановка была критической и можно было ожидать полной катастрофы.

Русское верховное военное командование отдало соответствующее приказание, и две армии, 1-я и 2-я, под командою генералов фон Ренненкампа и Самсонова, широкой лавиной нахлынули в пределы вражеской земли, самоотверженно напрягая все усилия, чтобы отвлечь внимание германцев от поставленной задачи — взятия Парижа.

Беженцы Восточной Пруссии, неудержимым потоком стремившиеся к центру страны в Берлин, своими рассказами и видом волновали общественные круги Германии, и победоносное продвижение русских войск затмевало победы германского оружия на западе. Уступая голосу общественного мнения, германское военное командование перебрасывает значительную часть своих войск из-под Парижа и поручает защиту своих коренных земель на востоке генералу-фельдмаршалу фон Гинденбургу, начальником штаба которого назначают генерала Людендорфа.

Победа переброшенных с запада германских войск под Танненбергом хотя и была тактическим поражением нашей 2-й армии как результат увлечения генерала фон Ренненкампа* крепостью Кенигсберг, однако она представляла собою лишь частный успех на полях сражения Восточной Пруссии при стратегическом проигрыше германцами всей кампании на общем театре военных действий мировой войны.

Эта победа стоила германцам очень дорого, так как, нарушив их планы и приведя к неожиданному концу сра-

* Эту ошибку генерала фон Ренненкампа подтверждают в своих книгах генерал-фельдмаршал фон Гинденбург и генерал Гофман (в начале Первой мировой войны — подполковник, начальник оперативного отдела штаба 8-й германской армии в Восточной Пруссии. — *Примеч. ред.*).

жение на реке Марне — к спасению Парижа, она положила начало затяжному характеру войны и была предвестником печального окончания ее для Германии. Момент быстрого разгрома Франции был безвозвратно потерян, так как вслед за этим главные силы русских войск разбили австро-венгерцев в Великой Галицийской битве, и германцам снова пришлось перебрасывать подкрепления с запада в помощь своим союзникам в район города Кракова. Далее идет образование восточного фронта, командующим которого назначается генерал-фельдмаршал фон Гинденбург, и германцы навсегда уже завязают в бесконечных боях с нами, требующих все новых и новых войск.

Пускай теперь наши бывшие союзники французы приписывают лавры спасения своего отечества исключительно самим себе — это лишь неблагодарность мелкобуржуазной среды, которой чужды порывы истинных рыцарских чувств. Однако мне очень бы хотелось посмотреть, где были бы теперешние заносчивые властелины Европы, если бы им пришлось один на один встретиться с германской армией, столь успешно оборонявшейся почти против всего мира в продолжение четырех лет. Ведь только призрак прежней Германии еще до настоящего времени приводит французов в неописуемый трепет, и они, боясь возможности ее воскресения, продолжают добивать своего поверженного врага.

Вот это-то отсутствие признательности и простой корректности к нам в наших союзниках уже тогда положило основание разочарования в них, всегда требовавших от нас активных действий большого масштаба и продвигавшихся со своей стороны на два смехотворных метра.

Эти метры французов и медлительное комфортабельное формирование англичан породило иронический юмор в наших войсках, выразившийся в заявлениях шутников, что, в конце концов, все обстоит благополучно, и хотя, правда, мы потеряли в жестоких боях значитель-

ное количество убитыми и ранеными, но зато французы продвинулись снова на 1½ метра, а англичане объявили, что будут сражаться до последней капли... русской крови.

Ко всему этому присоединялись еще упорные слухи о том, что союзники вместо столь необходимого нам вооружения и военного технического имущества поставляют нам всевозможный хлам, негодный вследствие усталости системы для употребления в своих войсках. Достаточно вспомнить присланные аэропланы, при пробе которых погибли многие наши доблестные летчики, а также тяжелые пушки с недостающими частями или со снарядами неподходящего калибра.

Все это, вместе взятое, к концу 1916 года создало среди широких кругов русских патриотов мнение, что дальше продолжать войну на подобных основаниях нам, русским, нет никакого смысла. Таковой взгляд еще укреплялся сознанием, что насущных, определенных причин для вооруженного столкновения с Германией у нас не было, так как наши туманные мечты о проливах относились к вопросам международного характера, и мы поэтому, даже устранив со своего пути декорацию в виде Германии, наткнулись бы в дальнейшем на баррикаду из наших действительных старых противников в этом деле — Англию и Францию.

Момент для начала сепаратных мирных переговоров был также вполне благоприятным, так как, с одной стороны, наша армия, закалившись в тяжелых испытаниях и жестоких боях, стояла грозною силою на хорошо укрепленных позициях от Балтийского до Черного морей и заканчивала формирование третьих дивизий в корпусе, долженствующее довести ее до небывалой численности в 16 миллионов человек; с другой стороны, Германия, сжатая блокадой и изолированная от внешнего мира, ощущала значительный недостаток в продовольствии и готова была на всевозможные уступки лишь бы добиться свободы на восточном фронте¹¹.

Инициатива в этом отношении исходила от Германии, которая окольными путями через Швецию зондировала почву в России о возможности начала мирных переговоров, в основание которых должно было лечь условие «status quo ante bellum»*.

Принимая во внимание все вышеизложенное, я полагал бы, что наш добровольный отказ от участия в дальнейшем развитии великой мировой драмы был бы самым правильным и позволил бы нам, русским, занять в результате наивыгоднейшее положение в независимости от того, кто окажется победителем, так как мы, окрепнув во всех отношениях за время своего нейтралитета, безусловно, были бы сильнее каждого, и голос нашей Родины был бы решающим в Европе.

Это отлично понимали и учитывали наши союзники англичане, а потому и следили зорко за всеми действиями, дав на всякий случай исчерпывающие инструкции своему послу сэру Бьюкенену, который и не замедлил ими воспользоваться, едва появились чуть заметные признаки надвигающейся для Англии опасности. При этом указанный посол, принявшись за работу, в своем рвении перешел всякие границы простой корректности, чем вынудил государя императора послать телеграмму английскому королю, прося его запретить сэру Бьюкенену вмешиваться во внутренние дела Российской империи.

Теперь вполне точно установлено, что государь император был против заключения сепаратного мира, считая подобный поступок несовместимым с достоинством великой Российской империи, и потому указывают, что удар сэра Бьюкенена, организовавшего, как известно, русскую меньшевистскую революцию¹², был направлен по ложному направлению и достиг обратных результатов. Я лично этого не думаю, и мне кажется совершенно невероятным, чтобы сэр Бьюкенен, так хорошо ориентированный в на-

* Положение, существовавшее до войны (лат.).

шей политической и общественной жизни, не был бы также осведомлен о взглядах государя императора, с которым имел честь довольно часто беседовать во время аудиенций. Вот почему я больше склонен верить, что почтенному сэру была поставлена иная главная задача, заключающаяся в том, чтобы в необходимый момент обессилить Россию внутренними событиями и не дать ей возможности к окончанию мировой войны сохранить свою мощь.

Великая Российская империя, окрепшая в боях и умудренная тяжелыми испытаниями, с колоссальной, прекрасно снабженной и вооруженной армией совершенно не входила в расчет англичан при окончании войны, а потому они, учтя положение на западном фронте и имея в виду выступление Америки, решили, что «мавр сделал свое дело, мавр может уйти».

Ведь только самовлюбленные господа Родзянко, Милюков, Керенский и т. п. могли поверить, что английский посол при их талантливом управлении собирается возвеличить Россию и, содействуя им в мятеже, работает в русских интересах.

Велико преступление этих господ перед Родиной, пожелавших стать выше себя, а на деле доказавших, что мало лишь мечтать о посте президента Российской республики и местах министров, но что надо было иметь при себе и еще некоторый запас мышления, чтобы действительно соответствовать облику европейского правительства.

История отдаст им должное, и имена Родзянки, Милюкова, Керенского и т. п. останутся навсегда в памяти русских людей как символы великого бедствия, в которое они втянули нашу Родину.

На этом факте, именно на организации революции, я и закончу свою главу, относящуюся к периоду нашей войны, так как все, что происходило после, ни в каком случае не может быть отнесено к военным действиям.

ГЛАВА IV

Меньшевицкая революция в России

26 февраля 1917 года — роковое число, роковой день, являющийся для всех русских патриотов датой похорон великой Российской империи и для всех интернациональных крамольников — началом эры «Великой российской революции».

О том, какое понятие этому злополучному дню более к лицу, возникало немало спору, потребовавшего значительного количества печатных листов, но, по-моему, это было лишним, так как и то и другое вполне справедливо и в этот трагический день произошли оба события: «Le royaume est mort, vive la révolution»*, могли бы воскликнуть жаждавшие революции и ее кровавых последствий.

Отнимать от нашей революции название «великой» я тоже не считаю себя вправе, ибо, разумея под словом «революция» собирательное понятие о грабеже, насилии, убийстве и т. п. преступлениях, я полагаю, что по размеру таковых у нас она, безусловно, «велика».

Итак, каждому свое, — честные патриоты годовщину этого дня проведут в тихой скорби, а жаждающие всевозможных преступлений могут праздновать и веселиться. Здесь уместно вспомнить пророческие слова истинного русского патриота и государственного ума человека — ми-

* Королевство умерло, да здравствует революция (фр.).

нистра-президента П. А. Столыпина, сказанные им в Государственной думе: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия», — так оно оказалось и на деле.

Революция меня застала в пути. Будучи еще в японскую компанию семь раз ранен, я периодически страдал от этих ранений, и особенно — от одного в голову, которое вызывало у меня иногда обморочное состояние, а после тяжелой контузии в июле 1916 года — даже и полупаралич. Как раз в конце февраля 1917 года у меня опять начались обмороки, и генерал-адъютант Мищенко, личным адъютантом которого я состоял, приказал мне уехать с фронта и эвакуироваться в Петербург¹³. Знаменательное 26 февраля я провел в городе Гомеле, где и получил весьма туманные известия о разыгравшихся событиях в Петербурге. Первым моим побуждением было вернуться на фронт, но затем я вполне ясно понял, почувствовал, что место каждого верноподданного сейчас вблизи государя императора, и поэтому решил продолжать свой путь на Петербург.

По дороге на одной из станций в поезд вошел какой-то штаб-офицер Генерального штаба и сообщил, что генерал Кондзеровский не советует господам офицерам ехать в Петербург. На это сообщение я ответил, что я привык от начальствующих лиц получать приказания, а советы мне не нужны.

Прибыв в Петербург, я уже на вокзале подвергся наглому нападению нескольких разнузданных солдат, один из которых хотел силою отнять у меня револьвер и шашку. Находясь у выхода с вокзала, я выхватил револьвер и наповал уложил этого потерявшего воинский вид солдата, после чего вскочил на извозчика и, стоя в санях с револьвером в руках, благополучно выехал из собирающейся толпы, хотя оттуда по мне было произведено несколько неудачных выстрелов. Доехав на извозчике до Литейной улицы*, я его отпустил и затем пешком дошел до гостиницы «Армия и флот».

* Теперь — Литейный проспект. — *Примеч. ред.*

Там я занял комнату, после чего начал собирать сведения о происшедшем в Петербурге, дабы узнать, где я мог бы быть наиболее полезным. Однако это было нелегко, и добиться ни от кого нельзя было ничего толкового, — кругом царил полная растерянность и забота лишь о собственной персоне. Офицеры в ужасе от меня уходили, едва я начинал высказывать свое мнение, и мне было тяжело в этой обстановке среди тыловых героев, которые лишь носили офицерскую форму, но далеки были от понятия об офицерском долге.

На другой день в мои руки попал бюллетень, выпущенный Государственной думой, в котором сообщалось о происшедших и настоящих событиях.

Из этого бюллетеня я узнал, что Государственная дума в полном своем составе во главе со своим председателем Родзянко находится также на стороне восставших и что в числе главных деятелей и руководителей восстания были все члены партии Народной Свободы¹⁴, а также и партии 17 октября¹⁵. Какая сила заставила их встать на этот шаткий путь, для меня было загадкой, но впоследствии все это очень просто объяснилось. Теперь ни для кого не тайна, что начали революцию интеллигентные верхи совместно с английским послом Бьюкеноном, имевшим определенные, указанные мною выше, инструкции от своего правительства. Пресловутому послу союзной державы нетрудно было исполнить возложенную на него задачу при помощи недовольных элементов в виде отставных деятелей, мнивших о себе весьма много, но на деле, как выяснилось, оказавшихся полным ничтожеством без воли и признака государственного ума. Однако тогда все было туманно и для человека, не бывшего в курсе развивавшегося подлого заговора, — происходившее казалось каким-то кошмарным сном, далеким от действительности.

В следующих бюллетенях Государственной думы были помещены: телеграмма Родзянко к государю импе-

ратору с требованием даровать конституционное правление, а затем, по-видимому, ответные телеграммы командующих Северо-Западным и Юго-Западным фронтами генерал-адъютантов Рузского и Брусилова, сообщавших Родзянке, что они свой долг перед Родиной выполнили. Последнее надо было понимать, что ими нарушена присяга и они также на стороне взбунтовавшихся партий и озверевшего народа.

Для меня особенно нелепа казалась эта опасная игра людей иного склада в руку действительных революционеров, и теперь невольно задаешь себе вопрос, где же был их здравый смысл, который должен был бы им помешать поддаться обману окружающей обстановки. По-видимому, такого-то налицо не было, также как и чести, а действовала какая-то злая сила, которая тянула их в омут, и они шли по пути, ведущему Родину к гибели.

Конечно, главную роль злого гения для нашего отечества сыграла Государственная дума во главе со своим председателем Родзянко, который своим примером к неповиновению заразил и других, придав гнусному бунту в период мировой войны облик государственного деяния.

Люди, не имевшие своей собственной головы, положились на головы Родзянко, Милюкова, Львова и т. п., а там-то, как на грех, ничего кроме честолюбивых замыслов не оказалось. Особенно в этом отношении смущал всех Родзянко и его деятельность рука об руку с еврейско-революционными кругами.

Хотели видеть в этом лишь временную уступку, которая затем приведет к обещанному раю. Если Родзянко, имевший право личного доклада государю императору и считавшийся, помимо своего поста председателя Государственной думы, одним из дворцовых приближенных, пошел против престола, то как же на это было не откликнуться и более мелким сошкам, мнившим себя гениями, но не имевших достаточно храбрости, чтобы выступить самостоятельно. Родзянко им придал мужества — за его

спиной не так было страшно, и рисовавшаяся виселица скрывалась в тумане создавшегося неясного бреда.

Наиболее ярко отразилась пагубная роль Государственной думы на войсках Петербургского гарнизона, которые, правда, хотя в большинстве и были невысокого качества благодаря своему составу и предварительной пропаганде, однако все же никогда так легко не отказались бы от защиты престола, если бы в стане революционеров не находилась Государственная дума, приветствовавшая их в лице своего председателя как героев за изменнический поступок, который ими был совершен.

Мало того, Государственная дума, встав опрометчиво на сторону восставших и связав себя с их деяниями, уже не могла объективно смотреть на окружающее, а, естественно, была заинтересована в успехе мятежа, дабы не понести заслуженной кары за свое преступление. В этом случае Государственная дума начала применять провокационные приемы, а иногда — и просто обман.

Так, например, когда совершенно неожиданно у ворот Петербурга появились маршевые эскадроны гвардейской кавалерии, пришедшие из Муравьевских казарм Новгородской губернии с твердым намерением подавить восстание, то к ним были высланы навстречу два депутата Государственной думы, которые сообщили начальнику отряда, что с государем императором достигнуто соглашение и что в настоящий момент все обстоит вполне благополучно, а потому самое лучшее этим войскам — спокойно вернуться обратно. Настроение указанных войск было прекрасное, что подтверждалось их действиями во время своего следования: так, на станции Любань к моменту подхода эшелонов пронесся слух о прибытии поезда государя императора и для встречи державного вождя сейчас же был выставлен почетный караул эскадронов лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Поезд государя императора где-то задержали и затем направили другим путем, а прибывшим войскам отказа-

ли в эшелонах для дальнейшего следования на Петербург. Однако это не остановило гвардейской кавалерии, и отряд дальше двинулся походным порядком. Тогда прибегли к вышеуказанному обману.

Вот таким-то образом Государственная дума «спасала» свое отечество. Напрасно теперь участники гнусного деяния стараются оправдать себя и свалить все на старое царское правительство, которое, якобы приказом о роспуске Думы, поставило их перед необходимостью бунтовать.

Господ депутатов Государственной думы, конечно, бунтовать никто не заставлял, но уж такова история и нрав Думы, и не в первый раз она прибегала к подобным действиям — вспомним скандальное Выборгское воззвание 1-й Государственной думы¹⁶. Здесь надо установить один неизменный факт — Дума непременно хотела играть главенствующую роль и роспуска вообще не переносила, прибегая в данном случае к крайним решениям.

Из всего вышесказанного можно смело сделать заключение, что Россию привела к настоящему ужасу Государственная дума и, главным образом, ее председатель — безумный честолюбец Родзянко.

3 марта в гостиницу «Армия и флот» пришла банда революционных солдат, требовавших сдачи оружия офицерами, которые там жили. Большинство офицеров, как я уже упоминал выше, состояло из запасных, твердо засевших в тылу и не имеющих никакого желания исполнить свой долг офицера, а потому и при настоящей обстановке они решили подчиниться наглому требованию бродячих банд, и несколько человек из числа бывших в администрации гостиницы обратились ко мне с просьбой сдать свой револьвер и шашку.

Я наотрез отказался, прибавив, что для каждого желающего это сделать силою у меня найдется пуля в лоб и что я удивляюсь им, пришедшим ко мне с подобным предложением.

Они мне начали приводить всевозможные ужасы, которые якобы последуют от моего сопротивления, а потому я, назвав их трусами и резко оборвав свой разговор, попросил оставить меня в покое и убраться из моей комнаты. Они удалились, а я, возмущенный происшедшим, вышел в коридор, чтобы посмотреть, что делается там и принять затем соответствующие меры. В коридоре я встретился с лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка ротмистром фон Розенбергом* и обратился к нему как к гвардейскому офицеру, который, безусловно, поймет меня и присоединится к моему мнению. Действительно, ротмистр вполне согласился со мною, и разговор с ним меня несколько успокоил и отвлек от принятия крайних мер, которые, возможно, могли бы привести к печальному концу, а тем временем вышеуказанная банда солдат ушла, отказавшись от своего требования, по-видимому, правильно соображая, что это дело все-таки сопряжено для них с некоторым риском.

Я рассказываю этот случай потому, что он впервые столкнул меня с ротмистром фон Розенбергом, после чего нас судьба еще несколько раз сводила и наконец соединила в Берлине на продолжительный срок, чтобы вместе работать в деле создания русских добровольческих частей в Прибалтийском крае, но об этом я изложу позднее.

На другой день я узнал, что государь император отказался за себя и наследника от престола, передав права на таковой своему августейшему брату великому князю Михаилу Александровичу. Далее шло отречение великого князя Михаила Александровича в пользу народа, до изъяснения воли которого, долженствующего произойти на предстоящем Учредительном собрании, было образовано Временное правительство во главе с министром-президен-

* Ротмистр фон Розенберг был командирован с фронта в Императорскую Николаевскую военную академию для окончания курса, а потому находился в Петербурге.

ГЛАВА X

Планы на будущее

По мере роста сил корпуса возникала необходимость определить, где именно он может быть применен для борьбы с большевиками. Вопрос не был бы сложен, если бы не отрицательное отношение Антанты к нахождению в отряде германских частей и не предъявление ультиматума германскому правительству. Вмешательство французов и англичан готовило ряд неожиданностей. Для разрешения вопросов, связанных с пребыванием корпуса на территории Латвии, был мною образован Военный совет как совещательный орган. В его состав вошли: инспектор артиллерии генерал Альтфатер, начальник штаба корпуса полковник Чайковский, начальник пластунской дивизии гвардии полковник Потоцкий, начальник штаба пластунской дивизии гвардии полковник Шнейдемман, командир 1-го пластунского полка гвардии полковник Евреинов, начальник отдела Генерального штаба полковник Григоров, начальник торгово-промышленного отдела барон Энгельгардт, сенатор Римский-Корсаков, барон Остен-Сакен и начальник Судной части генерал барон Пфейлицер-Франк.

Совет собирался три раза в неделю для обсуждения вопросов как военного, так и гражданского характера. Совет действовал на основании особого «Положения».

14 августа мною был отправлен адмиралу Колчаку доклад следующего содержания:

«Верховному Правителю России адмиралу Колчаку. Продолжая по отъезде Вашего высокопревосходительства из Петербурга мою работу и достигнув к настоящему моменту ощутительных ее результатов, считаю своим долгом донести Вам о ней.

Оставаясь в столице, я работал совместно с профессором Плетневым; потом продолжал по мере сил работу на фронте, стараясь замедлить разложение полка.

Видя по окончательном распадении армии бесполезность моего пребывания в ней, перенес мою деятельность в город Киев, где мне удалось объединить и сплотить некоторых общественных деятелей и при содействии их сгруппировать офицеров бывшей Российской армии под флагом Южной армии, предназначавшейся для борьбы с большевиками.

Когда появился генерал от кавалерии граф Келлер с сформировавшейся им в районе города Пскова Северной армией, то мне удалось войти с ним в связь и передать ему некоторое количество бывших в моем распоряжении офицеров.

При возникновении волнений на Украине и организации обороны города Киева от войск Петлюры — работал по формированию «отечественных дружин».

Все это создало мне большие связи с офицерским составом, бывшим в то время в Киеве и на юге России вообще.

По занятии Киева Петлюрой за мою работу по воссозданию Единой Неделимой России я снова, в 5-й раз за вышеописанное время, был арестован и водворен в Лукьяновскую тюрьму.

Ожидавшиеся с глубокой верой населением города Киева «союзники» так и не прибыли, а между тем Киеву угрожала уже опасность со стороны большевиков, к нему приближавшихся.

Распоряжением германского обер-командования как разоруженные, так и арестованные офицеры доброволь-

ческих организаций, в их числе и я, были вывезены в Германию с эшелонами германских войск, возвращавшихся на Родину.

Здесь еще в пути, а также и по прибытии на место в лагерь при Зальцведеде мне снова удалось сплотить вокруг себя наиболее деятельный и непримиримый с большевиками элемент и зародить в умах его идею формирования партизанского отряда для принятия участия в борьбе за благо Родины.

Для осуществления идеи я вошел в сношения с германскими коммерческими кругами и германским командованием, причем как те, так и другие всецело пошли мне навстречу и оказали полную поддержку и содействие, снабжая отряд всем необходимым, а командование даже разрешило вступать в ряды партизан своим добровольцам, которые стали примыкать к моему отряду целыми частями.

Вполне сочувственно откликнулось и германское общество.

К сожалению, мало содействия и поддержки встретил я со стороны Русской военной миссии в Берлине и главы ее генерала Монкевица, оказывавшего больше внимания пассивной части офицерства, пекущейся о собственном благополучии на германских курортах или избирающей далекие фронты, связанные с большими и продолжительными путешествиями вместо немедленного приложения своих сил на ближайшем направлении для действия на жизненные центры противника.

Эти заботливо выделяются в особые группы и помещаются на курорты вместе со своими семьями, пользуясь особым попечением со стороны Миссии.

Между тем зарождаемая мною идея формирования партизанского отряда росла и ширилась, захватывая и другие лагеря и привлекая больше и больше офицеров. Понадобились средства, обмундирование, вооружение, снаряжение, кои мне и предоставлены были германскими военными кругами и финансистами.

Место сосредоточения отряда мною избрано в районе, занятом теперь германскими войсками, где и ожидаю указаний Вашего высокопревосходительства для согласования моих действий с общим Вашим планом.

После всех тяжелых испытаний, ниспосланных Германии, она не желает большего, чем восстановления границ бывших до 1914 года, не имея никаких завоевательных намерений на русском фронте.

Военные, коммерческие и общественные круги стремятся к дружной совместной работе рука об руку с Вашим высокопревосходительством против общего врага России и Германии — большевизма.

Как доказательство своих симпатий и доброжелательного отношения к начинаниям Вашего высокопревосходительства определенно настроенные общественные круги Германии оказали полную поддержку и деньгами, и обмундированием, и оружием, и даже добровольцами для образования полезного Вам Северо-Западного фронта, желая тем подчеркнуть свое полное понимание необходимости для блага обоих народов совместной работы против большевизма.

Только желанием выяснить отношение Ваше к этому делу объясняются те ограничения определенными рамками, в кои теперь вылилось наше формирование; в случае же получения благожелательного от Вас ответа фронт сей может быть развернут до желаемых Вами размеров, получая пополнения из лагерей военнопленных Германии, и будет снабжаться всем из Германии в том же изобилии, как до настоящего времени снабжались корпуса мой и светлейшего князя Ливена, ныне переброшенный на другое направление и оказавшийся в значительно худшем положении в отношении всех видов довольствия со времени передачи снабжения его в руки Антанты, о чем у Вас, вероятно, имеются донесения генерала Юденича.

На этом основании считаю необходимым подчеркнуть всю полезность нахождения моего корпуса в Кур-

ляндии, где мы имеем непосредственную и тесную связь с нашей теперешней базой Германией, откуда получаем в избытке не только все необходимое, но все полезное для нашего существования и работы, не касаясь уже вопроса о важности этого участка в оперативном отношении и необходимости удержать его в русских руках при совместных операциях.

Эти соображения заставляют меня задержаться здесь до окончательного формирования и ожидать дальнейших Ваших указаний».

Вместе с этим донесением мною был отправлен и нижеследующий «Доклад о предполагаемых действиях Западного добровольческого имени графа Келлера корпуса»:

«Задачи корпуса, выступающего по завершении своего формирования на большевистский фронт, соответствуют задачам последнего российского резерва, направленного для нанесения решительного удара. Поэтому соответственное использование этого резерва приобретает особое значение, так как наносимый удар должен быть связан с окончательным успехом. Эта ответственная задача, охарактеризованная в общих выражениях, требует строгого выбора операционного направления с тщательной подготовкой всей операции. Задачей корпуса является разъединение действий петербургских и московских большевиков, внесение в действия этих групп полного хаоса, а затем совместно с другими добровольческими армиями — нанесение окончательного разгрома противнику в направлении Петербурга или Москвы в зависимости от обстановки; конечная же цель корпуса — соединение с Сибирской армией, завершающее полное окружение оставшейся части большевиков центра России.

Остановившись на выборе операционного направления, необходимо признать, что направление Двинск — Великие Луки — Вышний Волочок — Вологда обеспечивает наиболее решительный результат, так как с развити-

ем успеха в этом направлении ряд крайне важных железнодорожных узлов Двинск — Полоцк, узловой район Невель — Великие Луки — Ново-Сокольники, Вышний Волочок и Вологда, попадая к нам в руки, совершенно разъединяют и изолируют петербургскую группу большевиков от всей остальной красноармейской массы, которая, в свою очередь, попадает в тиски, угрожаемая с севера Западным добровольческим корпусом имени графа Келлера, с юга — армией генерала Деникина и с востока — Сибирской армией.

Оперируя в этом направлении, мы сохраняем полную свободу маневрирования в отношении важнейших объектов действий Петербурга и Москвы, а также и в отношении конечной цели наступления — соединения с Сибирской армией.

Поставленные задачи, конечно, потребуют прогрессивного расширения рамок первоначального формирования и развертывания корпуса, каковое обстоятельство уже учтено при его формировании.

Ясно, что столь широко поставленная задача подлежит расчленению на частные операции — задачи.

Ближайшей задачей является занятие города Двинска для устройства в нем базы и обеспечения переправ через Западную Двину, а затем занятие узлового района Великие Луки — Невель — Ново-Сокольники, с захватом которого связь петербургской группы большевиков с Москвой ставится под серьезную угрозу. С занятием этого узла приобретает свободу действий по кратчайшим направлениям как на Петербург, так и на Москву, в зависимости от обстановки.

Обстоятельство это, безусловно, должно вызвать большие опасения большевиков за целостность своих крупнейших центров, вследствие чего возможно предположить, что большевики принуждены будут оттянуть значительные силы с фронта Сибирской армии, а может, и с фронта генерала Деникина (хотя последнее менее возможно).

По занятии района Невель — Великие Луки — Ново-Сокольники выяснится и окончательная постановка дальнейших частных задач, то есть развитие ли операции в направлении Петербурга или Москвы, на решение чего в значительной мере будет влиять положение к тому времени фронта генерала Деникина.

Необходимо иметь в виду, что решительный успех под Москвой с одновременным занятием узлов железной дороги у Вышнего Волочка и производство одновременного набега на Вологду для захвата сего узла — может решить судьбу петербургской группы, ибо положение Северной армии значительно будет облегчено в отношении перехода в наступление и дальнейшего его развития. При таком положении можно ожидать перехода всей петербургской группы на нашу сторону.

По завершении этой первой части намеченной операции: — дальнейшей задачей корпуса будет соединение с Сибирской армией, развитием операции в направлении на Вятку — Пермь, сопряженное с дальнейшим отрезыванием большевистского центра от севера.

Изложенные выше задачи, принимаемые на себя Западным добровольческим корпусом, требуют тщательно продуманной и законченной организации.

В этом отношении вся организация корпуса проводится с применением данных последнего опыта при ближайшей помощи германцев. Наиболее важный вопрос снабжения материальной частью является совершенно обеспеченным. Люди вооружаются и снаряжаются германцами, от них же получают все технические средства и деньги, что будет производиться и в будущем. Приток живой силы также является обеспеченным.

С началом движения вперед он должен резко увеличиться, на чем также основываются расчеты дальнейшего развертывания корпуса, базирующегося и на дальнейшем германском снабжении.

Наступательный почин корпуса будет, безусловно, приветствован пострадавшими народными массами. Уже теперь разоренное селянство ближайших районов ждет освобождения и облегчения своей участи. Принимая во внимание это настроение населения, пережившее уже ужасы большевизма, а также наличие тайных складов оружия, можно с уверенностью сказать, что продвижение корпуса будет сопровождаться восстаниями организованных крестьян и значительным притоком их в ряды добровольцев. Местные источники снабжения увеличатся: то и другое будет способствовать дальнейшему развертыванию корпуса и расширению его операций.

С первых же шагов необходимо будет реальным способом отозваться на сочувствие народных масс. Это должно выразиться в принятии ряда мер для улучшения и облегчения условий существования и установления порядка и законности в занимаемых районах, что окончательно закрепит за нами сознательные массы населения.

Наши усилия будут направлены к улучшению продовольствия, установлению правильного внутреннего транспорта и развитию торговли и также заводской деятельности.

Вопросы транспорта, торговли и заводской деятельности будут организовываться при ближайшем участии германцев. В настоящее время в Германии уже работает два завода по изготовлению всего необходимого (запасные части, части машин и др.) для приведения в порядок подвижных составов. Это даст возможность восстановить деятельность железных дорог, что в свою очередь осуществит приток из Германии различных необходимых фабрикатов, отсутствующих ныне на местах, причем обратный транспорт в Германию выразится в различном сырье.

В связи с вышеизложенным развитием транспорта представится возможность постепенного восстановления заводской деятельности и сокращения числа безработных.

УДК 94(47).092
ББК 3.3(2)612
Б48

Печатается по изданию:

Авалов П. М. В борьбе с большевизмом.
Воспоминания генерала-майора кн. П. Авалова,
б. командующего русско-немецкой западной армией
в Прибалтике. Глюкштадт и Гамбург, 1925.

Бермондт-Авалов, Павел Михайлович
Б48 В борьбе с большевизмом: в 2 кн. Кн. 2 / Ком-
мент. С. И. Дробязко. — М.: Кучково поле, 2017. —
544 с. — (Военные мемуары)

ISBN 978-5-9950-0743-2 (кн. 2)
ISBN 978-5-9950-0707-4

В своих воспоминаниях один из лидеров Белого движения П. М. Бермондт-Авалов описывает события, происходившие в России в первые годы советской власти, анализирует поэтапные изменения взаимоотношений России со странами Западной Европы после Февральской и Октябрьской революций, причины провала интервенции и поражения Белого движения на северо-западе России. Также в книге затронуты проблемы общественно-политической деятельности русской эмиграции, позиция членов Российского императорского дома и Русской православной церкви за границей.

УДК 94(47).092
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-9950-0743-2 (кн. 2)
ISBN 978-5-9950-0707-4

© ООО «Кучково поле», 2017

ГЛАВА XIX

Балтийский ландесвер

При защите Прибалтийского края от большевиков очень красивую и весьма значительную роль сыграл Балтийский ландесвер (земская национальная оборона), а потому я считаю своим долгом вкратце коснуться истории его создания, а также и его участия во всех событиях, уже выше изложенных мною.

Мысль о создании такой национальной обороны зародилась у балтийцев еще в июле 1918 года, но встретила противодействие германского военного командования в Риге (А.О.К. 8), которое по соображениям политического характера ответило отказом. Начальник штаба 8-й германской армии Генерального штаба подполковник Франц на все подобные просьбы неизменно отвечал: «Ведь мы же здесь». Другими словами, он подчеркивал, что балтийцам беспокоиться нечего, — охрана их имущества и их личная безопасность гарантирована присутствием германских войск. В то время еще нельзя было предвидеть надвигавшихся событий, и, во всяком случае, германцы не думали покидать Прибалтийского края.

Однако неудачи на западном фронте и, как следствие, упадок духа в германской армии не раз заставляли балтийцев задуматься о своем будущем, и они возобновляли просьбы.

В октябре 1918 года, когда за это дело энергично взялся капитан 1-го ранга барон Георгий Николаевич

Таубе, мечты превратились в действительность, — германцы согласились на формирование. Но, согласившись, они поставили тяжелое условие — войска национальной обороны должны формироваться из всех местных народностей, т. е. из немцев, русских, латышей, литовцев и даже евреев. Пожелать было много легче, чем исполнить это желание на деле. Особенно трудно в этом отношении было с латышами, которые неизвестно почему считали себя хозяевами положения, требовали руководящей роли и ненавидели немцев. А вместе с тем все они имели врожденное тяготение к большевизму, и потому не только их главенство, но даже простое участие в формировании было нежелательным. Во избежание обострения отношений между латышами и балтийцами капитан фон Таубе предложил передать командование ландесвером нейтральному в данном случае русскому генералу. Выбор пал на генерал-майора Юновича, не имевшего, правда, боевого стажа, но зато уважаемого и любимого всеми, что в целях объединения имело большое значение.

Во время переговоров и приготовлений к формированию в Германии разразилась революция и, конечно, сейчас же оказала влияние и на положение в Прибалтийском крае. С одной стороны, боязнь перед большевиками внесла некоторое объединение в местные народности, с другой стороны, неожиданное объявление самостоятельной Латвии германским комиссаром Виннингом снова осложнило работу, так как латыши восстали против формирования балтийских и русских частей.

Однако надвигавшаяся опасность красного нашествия помогла преодолеть и это последнее препятствие, и в середине ноября были сформированы следующие четыре отряда:

Первый ударный отряд германского образца из балтийцев, служивших в германской армии и теперь вернувшихся защищать свое отечество, а также и из тех, кто наиболее отвечал требованиям военной службы. Команди-

ром ударного отряда был германский ротмистр В. Боом. Второй отряд русского образца — из балтийцев, служивших в русской армии. Командиром отряда был русский полковник Барнгаупт. Третий отряд, такой же по составу, как и второй, был под командою русского полковника барона Деллинггаузена. Четвертый отряд был смешанный и состоял из молодежи, еще нигде не служившей, под командой русского полковника Раара.

Всего в ландесвере было около 1000 человек.

Кроме того, по личной инициативе были созданы еще следующие самостоятельные части: чисто русский отряд в 150 человек под командой капитана Дыдорова и 3 латышских роты по 200 человек в каждой, из которых надежной, однако, была лишь одна, ибо в другие две попали люди без всякого разбора, и поведение их солдат внушало подозрение. Во всех вновь сформированных частях офицерами под общим руководством русского полковника фон Струве велось спешное обучение военному делу.

Между тем события быстро развивались, и наступление большевиков ожидалось со дня на день. Было ясно, что для успешной обороны было необходимо объединение всех антибольшевистских войск в Прибалтике и подчинение их одному общему командующему. Наиболее крупным в то время там формированием была Северная армия, которая, занимая своими частями Псковскую и Витебскую губернии, прикрывала, таким образом, вместе с германскими войсками весь Прибалтийский край. Весть о том, что генерал граф Келлер выразил согласие стать во главе Северной армии, разнеслась по всему краю и была принята с большой радостью. Имя боевого генерала было очень популярно в Прибалтике, и все, безусловно, подчинились бы ему как своему командующему. Однако неожиданно обстановка сложилась иначе. Граф Келлер трагически погиб в Киеве. Попытки же установить связь с Северной армией, сделанные ландесвером через полковника Родзянко, успехом не увенчались: по-

Я был хорошо осведомлен о намерениях ландесвера и ждал, в свою очередь, лишь удобного момента для нашего соединения. Такой момент мог наступить лишь после окончательного выяснения политической обстановки в Курляндии вообще и в частности моих отношений к англичанам и латышам. Пока же я, не желая ставить командование ландесвера в затруднительное положение, ограничивался поддержанием секретной связи с его командиром бароном Таубе.

В период борьбы с латышами, начавшейся рядом наглых нападений последних на мою армию, ландесвер, оставаясь на прежних позициях большевистского фронта, вынужденно сохранял нейтралитет. После отхода моей армии на территорию Германии он остался окруженным врагами, которые не замедлили обратить свою неостывшую злобу и против него. Не имея, однако, никаких данных, чтобы выступить непосредственно против войск ландесвера, латыши обрушились главным образом на командира его, барона Таубе, которому едва удалось спастись бегством от их гнусной мести.

Вскоре после этого ландесвер, собственно, кончил свое существование: латыши переименовали его в 13-й Туккумский полк, назначили на командные должности латышских офицеров и переменили даже его форму...

ГЛАВА XX

Большевизм

Семь лет тому назад произошел большевистский переворот в России, и с этого момента там непрерывно продолжает свое действие величайшее преступление в мире. И теперь, когда, казалось бы, уже давно была пора покончить с ним, все народы в лице своих правительств, прельстясь возможностью поживиться кровавой добычей, наперебой хотят записать себя в число его соучастников.

Все эти массовые спекулянты забывают или не желают понять, что, признавая советскую власть, они тем самым признают и ее преступления и, таким образом, начинают спекулировать своей совестью и жизнью невинных людей.

Ведь если бы хоть частичка тех преступлений, которые были совершены и совершаются большевистской кучкою захватчиков, имела бы место в частной жизни какого-нибудь европейского города, то от подобного злодеяния все бы пришли в ужас, и преступники сидели бы уже давно за крепкой решеткой тюрьмы. А вслед за тем быстро последовал бы суровый приговор, который изьял бы их из обращения в людском обществе.

Однако когда все эти гнусные преступления, прикрываясь фиговым листом в виде пародии на государственную власть, совершаются в целом государстве, то тогда их предпочитают не видеть и не слышать. В таких случаях нравственные основы людей, твердящих

о гуманности, запираются в узкие рамки международных отношений, при которых оказывается все возможно, и нет сдерживающих границ, и вот потому совершенно открыто уничтожаются лучшие русские люди, и лишь только за то, что они не хотят признать преступления за правило и преступников — за правителей.

Телеграммы разносили и разносят еще и теперь весть об ужасах преступного террора большевиков, но это несколько не мешает правительствам других стран заключать с ними договоры, приглашать на конференции и вообще терпеть их в своем обществе. Руки преступников, обгаренные кровью ими замученных жертв, приветливо пожимаются королями и их министрами, а сами они спокойно разъезжают из одной страны в другую, и о их прибытии услужливо сообщают газеты. Мало того, когда год тому назад умер глава этих государственных разбойников, то за границей о нем писали некрологи с различными комментариями такого характера, которые придавали ему человеческий облик.

Утверждают, что человечество стремится к прогрессу, культуре и совершенствованию своей жизни. Может быть, это и справедливо, но справедливо также и то, что оно в нравственном отношении неудержимо падает вниз. Если в прошлом могли существовать Нероны, Калигулы, татарские нашествия, Робеспьеры, рабство негров и т. п., то все эти эпохи кровавого ужаса заклеены историей всего мира и нашли свое осуждение не только впоследствии, но также и среди большинства своих современников.

Укажем на одно из сравнительно недавних событий — рабство негров в Америке. Сколько было шуму об этом насилии над человеческой личностью и какие протесты раздавались тогда из той же самой гуманной Европы (главным образом протестовали сейчас хранящие молчание социалисты), которая теперь позорно молчит об издевательском рабстве стомиллионного русского народа.

А ведь это рабство продолжается уже семь лет и происходит в непосредственной близости от культурных центров всего мира.

Современные народы, так много говорившие о гуманизме и нравственности культурного человека, в русском вопросе показали свое истинное лицо, которое без маски предстало перед миром с отвратительной гримасой низменных желаний и побуждений.

И в самом деле, можно ли верить в красивые слова о гуманности, о братстве, о равенстве, когда сейчас торжествуют преступники, и в их торжестве принимают участие в лице своих правительств большинство европейских народов?

Раздумывать над тем, кто из тиранических властителей России является фанатиком своей безумной идеи, кто — больным с мозгом, пораженным прогрессивным параличом, кто, наконец, просто преступником с холодным расчетом, я не буду, ибо считаю это совершенно излишним. Факт многочисленных совершенных ими преступлений от этого не исчезнет. Двадцать миллионов человеческих жизней этим не вернешь! Все эти жертвы современных чудовищ двадцатого века навсегда останутся в воспоминании нас, русских, и их тени не раз предстанут перед нашими глазами.

Говорят, что напрасно толкаться в закрытые двери, но неужели сердца иностранных народов навсегда останутся закрытыми для нас, русских, и мы никогда не добьемся справедливой помощи ни от одного государства? Мне хочется верить, что это не так, и что современное человечество в лице своих правительств просто не вдумывается в тот ужас, который творится еще и сейчас в России. Я уверен, что если бы призраки замученных русских людей получили бы возможность дать свои показания и в простых словах рассказать все те мучения, которые они пережили в последние минуты их жизни, то тогда современное человечество с трепетом остановилось и спро-

сило бы себя, куда оно идет, с кем договаривается и чему соучаствует. Однако безмолвны несчастные тени... И только живые свидетели, чудом избегнувшие той же участи, могут рассказать в общих чертах все те ужасы, в которых изошряются современные палачи на несчастных телах и душах лучших русских людей.

Такого рода показаний десятки тысяч, и всех их даже не перечислишь, а потому я привожу только немногие из них, но такие, которые засвидетельствованы комиссиями и правдивость которых вне всякого сомнения.

Вот одно из них, рисующее картины крымской жизни в период властвования там большевиков.

«За спиной матросской черни стояли ее вдохновители — элемент пришлый, часто уголовный и в огромном большинстве своем инородный. Состав агентов власти, — говорит описание, — “пестрит именами инородцев — латышей, эстонцев, евреев”. Большевистская власть за четыре месяца своего существования не умела насадить советский строй. Она только упразднила буржуазные учреждения, “социализировала”, преимущественно в свою пользу, буржуазное имущество и уничтожала буржуазию. Страницы крымской жизни того времени полны ужаса и крови. Я избегаю вообще распространяться о “злодействах большевиков” — понятии, ставшем в наше время банальным и не возбуждающим уже старого чувства возмущения в опустошенных душах и зачерствелых сердцах. Но приводимое ниже описание* судьбы Евпаторийской буржуазии и преимущественно офицерства весьма характерно для “методов социальной борьбы» и психологии матросской черни, заполнившей своим садизмом самые страшные страницы русской революции.

После краткого опроса в заседании комитета арестованных перевозили в трюм транспорта “Трувор”. За три

* Из трудов «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков».

дня их было доставлено свыше 800 человек. Пищи арестованные не получали, издевательства словесные чередовались с оскорблением действием, которое переходило в жестокие, до потери жертвами сознания, побои. На смертную казнь ушло более 300 лиц, виновных лишь в том, что одни носили офицерские погоны, другие — не изорванное платье. Обреченных перевозили в трюм гидрокрейсера “Румыния”.

Смертника вызывали к люку. Вызванный выходил наверх и должен был идти через всю палубу на лобное место мимо матросов, которые наперерыв стаскивали с несчастного одежду, сопровождая раздевание остротами, ругательствами и побоями. На лобном месте матросы, подбодряемые Антониною Немич*, опрокидывали приведенного на пол, связывали ноги, скручивали руки и медленно отрезывали уши, нос, губы, половой орган, отрубали руки. И только тогда истекавшего кровью, испускавшего от нечеловеческих страданий далеко разносившиеся, душу надрывающие крики, — русского офицера отдавали красные палачи волнам Черного моря».

Вот другое, взятое из отчета «Особой» комиссии и характеризующее эпизоды из истории казачьих восстаний.

«История казачьих восстаний трагична и однообразна. Восставшие стихийно, разрозненно, без серьезной подготовки, почти безоружными массами, они сопровождались первоначально некоторым успехом; но через 2–3 дня после сосредоточения красных войск казаки платились кроваво, погибая и в бою и от рук палачей, в своих станицах. Так, 27 апреля вспыхнуло восстание в семи станицах Ейского отдела, и было задушено в 2 дня <...>. В начале мая были массовые восстания в Екатеринодарском, Кавказском и других отделах... В июле восстало несколько станиц Лабинского отдела, пострадавших особенно жестоко: кроме павших в бою с большевиками, было казнено

* Немичи — семья палачей.

770 казаков». Отчет «Особой комиссии» полон описаниями потрясающих сцен бесчеловечной расправы. Вот, например, станица Чамлыкская: «12 июля партию казаков отвели к кладбищенской ограде, перекололи всех штыками, штыками же, как вилами, перебрасывали тела в могилу через ограду. Были между брошенными и живые казаки, зарыли их в землю заживо. Зарывали казненных казаки же, которых выгоняли на работу оружием. Когда зарывали изрубленного шашками казака Седенко, он застонал и стал просить напиток. Большевики предложили ему попить крови из свежих ран зарубленных с ним станичников... Всего казнено в Чамлыкской 185 казаков... Трупы их по несколько дней оставались незарытыми; свиньи и собаки растаскивали по полям казачье тело...»

Вот, наконец, третье, описывающее известное убийство 106 заложников на Кавказе, среди которых были генералы Рузский, Радко-Дмитриев, два брата князя Урусовых и др.

«Не найдя поддержки в армии, Сорокин* бежал из Пятигорска в направлении Ставрополя; 17 октября был пойман одним из таманских полков возле города, привезен в ставропольскую тюрьму и там убит во время допроса командиром 3-го Таманского полка Висленко.

Выступление Сорокина отозвалось трагически на судьбе Минераловодской интеллигенции. После захвата Кисловодска Шкуро и восстания терских казаков тюрьмы Минеральной группы были заполнены заложниками, которые, согласно приказу чрезвычайки, подлежали расстрелу «при попытке контрреволюционного восстания или покушения на жизнь вождей пролетариата». Когда умер командовавший Северо-Западным фронтом това-

* Сорокин был главнокомандующим Кавказской большевистской армии. Солдат по своему прошлому, он, будучи убежденным большевиком, в то же время ненавидел евреев, хотел взять всю власть в свои руки и потому расстрелял 6 членов (евреев) ЦИК Кавказского фронта.

рищ Ильин от ран, полученных в бою с добровольцами, чрезвычайная комиссия казнила в его память 6 заложников. После расстрела Сорокиным членов ЦИК обещание было исполнено в более широком масштабе: «чрезвычайка» постановила «в ответ на дьявольское убийство лучших товарищей» расстрелять заложников по двум спискам в количестве 106 человек. В их числе были генералы Рузский и Радко-Дмитриев, зверски зарубленные 18 октября. Обоим им большевистские главари неоднократно предлагали стать во главе Кавказской красной армии, и оба они отказались от предложения, заплатив за это жизнью».

«В одном белье, — говорится в описании Особой комиссии, — со связанными руками, повели заложников на городское кладбище, где была приготовлена большая яма... Палачи приказывали своим жертвам становиться на колени и вытягивать шеи. Вслед за этим наносили удары шашками... Каждого заложника ударяли раз по пяти, а то и больше... Некоторые стонали, но большинство умирало молча... Всю эту партию красноармейцы свалили в яму... На утро могильщики засыпали могилы... Вокруг стояли лужи крови... Из свежей, едва присыпанной могилы слышались тихие стоны заживо погребенных людей. Эти стоны донеслись до слуха Обрезава (смотрителя кладбища) и могильщиков. Они подошли и увидели, как из могильной ямы выглядывал, облокотившись на руки, один недобитый заложник (священник И. Рябухин) и умолял вытащить его из-под груды наваленных на него мертвых тел... По-видимому, у Обрезава и могильщиков страх перед красноармейцами был настолько велик, что в душах их не осталось более места для других чувств — и они просто забросали могилу землей...

Стоны затихли».

Сохранился рассказ о последнем разговоре генерала Рузского со своим палачом*:

* Председатель «чрезвычайки» Артабеков.

«— Признаете ли Вы теперь великую российскую революцию?»

— Я вижу лишь один великий разбой».

В заключение я предоставляю вниманию читателей «Отчет Красного Креста». В нем простым языком без всяких прикрас изложены факты, от которых невольно шевелятся волосы, холодеет сердце, а горло сжимают нервные спазмы.

Если в первых трех примерах действовали большевики местные, то в «Отчете Красного Креста» рисуется режим в государственных, так называемых концентрационных, лагерях. По этому описанию можно представить себе, чем являются в настоящее время тюрьмы в России. Стены их видят такие ужасы, которые далеко превосходят и ушедшие в прошлое инквизиторские времена, и сравнительно недавние китайские «сады мучения».

ДОКЛАД ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ В КИЕВЕ

Центральный комитет
российского Красного Креста
помощи жертвам гражданской войны
14 февраля 1920 года

В Международный комитет Красного Креста в Женеве

Центральный комитет Российского общества Красного Креста при сем представляет очерк, составленный на основании доклада сестер милосердия Красного Креста, в течение семи месяцев оказывавших помощь заключенным в тюрьмах города Киева во время власти большевиков.

Воздерживаясь в силу понятных причин от опубликования имен сестер милосердия, Комитет свидетель-

ствует, что сестры эти хорошо известны Красному Кресту как честные и самоотверженные работницы, показания коих заслуживают безусловного доверия.

Красный Крест всегда считал своим долгом поднимать голос протеста, когда на глазах цивилизованного мира нарушались основные требования международного права и справедливости.

Картины насилий, ужаса и крови, нарисованные ниже, не имеют себе подобных в истории культурного человечества. Замалчивать их было бы преступлением. Это и побуждает нас предоставить прилагаемые при сем страницы в распоряжение Международного комитета в Женеве, являющимся центром мировой деятельности Красного Креста и хранителем и защитником его высоких идеалов.

И. д. пред. Комитета (подпись) Д-р Юрий Ладыженский.

СООБЩЕНИЕ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ О ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ В КИЕВЕ

I. Судьи и палачи

Киев, бывший до революции одним из самых богатых и благоустроенных южнорусских городов, за последние два года несколько раз переходил из рук в руки и был ареной кровавой гражданской войны. Иногда она выражалась в ожесточенных уличных боях, иногда — в свирепых погромах, когда красные беспощадно истребляли своих врагов, безоружных, не ожидавших нападения. Так, в феврале 1918 года в течение нескольких дней большевики вырезали в Киеве более 2000 русских офицеров, а с февраля 1919 года открыла свои действия так называемая «Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией», которая занялась систематическим истреблением противников.

Этот своеобразный институт, отчасти повторяющий средневековую инквизицию, составляет политическую опору советской власти. Полное отсутствие каких бы то

ГЛАВА XXIV

Биографии

1

Адмирал А. В. Колчак

А. В. Колчака, как я уже писал выше, я встретил в Петербурге в первые дни Февральской революции. До сих пор моим глазам представляется его облик — выточенное энергичное лицо, полные твердого блеска глаза и сжатые губы, выражающие неуклонность его воли. Матера говорить тихо, но уверенно и деловито, необыкновенная способность к речи, скупой словами, но щедрой образами и мыслями — все это, казалось, принадлежит только ему одному. В его присутствии ощущалось, что человек этот от природы предназначен на роль возглавителя и двигателя мощных боевых соединений. Такое впечатление адмирал производил не только на одного меня, но и на каждого, кто соприкасался с ним. Ниже я привожу отрывок из книги капитана 2-го ранга Г. К. Графа*, который был в непосредственной близости с адмиралом еще до войны. Г. Граф пишет:

* Капитан 2-го ранга Г. К. Граф был старшим офицером на эскадренном миноносце «Новик», входившим в состав Минного дивизиона Балтийского флота. Командиром Минной дивизии был адмирал Колчак. В настоящее время Г. К. Граф является начальником канцелярии государя императора Кирилла Владимировича.

«Небольшого роста, худощавый, стройный, с движениями гибкими и точными. Лицо с острым, четким, тонко вырезанным профилем; гордый, с горбинкой, нос; твердый овал бритого подбородка; тонкие губы; глаза, то вспыхивающие, то потухающие под тяжелыми веками. Весь его облик — олицетворение силы, ума, энергии, благородства и решимости.

Ничего фальшивого, придуманного, неискреннего, все естественно и просто. В нем есть что-то, приковывающее взоры и сердца; он с первого же взгляда располагает к себе и внушает обаяние и веру.

Вот портрет адмирала: очевидно, сама судьба определила ему всегда руководить другими людьми.

Если мы окинем взором его предыдущую карьеру с первых дней службы, то она носит тот же отпечаток, что и его наружность: он — головой выше окружающих его людей; он идет впереди, вне установленных рамок и порядка».

Тот же автор дает и биографическую справку об адмирале. Привожу ее.

«В 1894 году А. В. Колчак кончает Морской корпус, вторым в выпуске. С 1895 года он четыре года подряд не сходит с палубы корабля и плавает на крейсерах “Рюрик” и “Крейсер” на Дальнем Востоке.

Через два месяца после возвращения в Кронштадт на броненосце “Петропавловск” он опять уходит на Дальний Восток. Но на пути в Средиземное море получает приглашение от Императорской академии наук принять участие в экспедиции в Ледовитый океан под начальством барона Тол[л]я⁵². Он уже тогда выделился своим интересом к полярным экспедициям и незаурядными работами по океанографии.

А. В. Колчак предложение и после нескольких месяцев подготовки летом 1900 года ушел в составе экспедиции на судне “Заря” в Карское море и к берегам Таймыра.

Перезимовав там, в июле 1901 года “Заря” пошла дальше на восток, обогнула мыс Челюскин и, выйдя в Сибирское море, направилась к Ново-Сибирским островам, где встала на вторую зимовку.

Весной 1902 года барон Тол[л]ь предпринял санную экспедицию на остров Беннет. Благодаря неблагоприятным ветрам и состоянию льда экспедиция не удалась, и о партии не было никаких сведений.

Тогда Академия наук решила организовать в помощь партию и поручила А. В. Колчаку разработать ее план. Весной он с шестью матросами и восемью тунгусами и якутами был уже в пути. Сперва на санях, а потом на китобойном вельботе он упорно продвигается вперед.

Испытав страшные трудности и лишения, А. В. Колчак 6 августа 1903 года высадился на Беннете, но партии барона Тол[л]я там не нашел. После подробного исследования этого острова и 43-дневного плавания на открытой шлюпке среди льдов он вернулся обратно.

За выполнение столь трудной экспедиции Императорское географическое общество поднесло ему большую Константиновскую медаль, которую до этого момента имели всего три путешественника.

Не успев вернуться даже в Петербург, он узнает о вспыхнувшей Японской войне и отправляется на эскадру адмирала Макарова в Порт-Артур.

Там он сначала плавает на крейсере “Аскольд”, а потом получает в командование миноносец “Сердитый”, с которым совершает целый ряд подвигов. Затем, когда главная защита Порт-Артура окончательно перешла на сушу, он был назначен командиром 75-мм батареи на северо-восточном фронте и прокомандовал ею до самой сдачи крепости.

Далее А. В. Колчак посвящает всю энергию на воссоздание флота и работает в им же созданном Морском генеральном штабе. В нем он становится начальником оперативной части по Балтийскому театру и разрабатывает план войны с Германией.

В 1908–1909 годах он опять принимает участие в полярной экспедиции в качестве командира ледокола “Вайгач”. Но скоро его вызывают обратно в Петербург: идет возрождение флота, и он необходим. До 1912 года А. В. Колчак продолжает работать в Генеральном штабе, а затем он — снова на палубе корабля.

В этом году он назначается командиром миноносца “Уссуриец”, а в 1913 году — командиром миноносца “Пограничник” и одновременно исполняет обязанности флаг-капитана по оперативной части штаба флота.

Началась Великая война, и А. В. Колчак, оставаясь все время по оперативной части в штабе флота, принимает участие в целом ряде им же самим разработанных экспедиций для постановки минных заграждений у неприятельских берегов.

Осенью 1915 года он принимает командование над нашей минной дивизией и сразу ее оживляет. При ее помощи значительно усиливает защиту столь важного Рижского залива и, кроме того, неоднократно своими кораблями поддерживает армию генерала Радко-Дмитриева, что позволяет ей укрепиться впереди Риги и не сдать противнику этот важный пункт.

За это ему был пожалован орден Святого Георгия 4 степени.

И вот теперь, в нарушение всех условностей, имея всего 41 год, он произведен в вице-адмиралы, пробыв контр-адмиралом всего 2 месяца, и назначен командующим Черноморским флотом».

Касаясь событий, предшествовавших трагическому концу адмирала, Г. К. Граф дает следующую картину:

«15 января 1920 года. На Иркутском вокзале сильное возбуждение. Взад и вперед снуют вооруженные рабочие с лицами, искаженными ненавистью и дикой злобой. Всюду идет смутный говор, похожий на морской рокот. Слышатся проклятия, площадная брань, угрозы “расправиться как следует”».

Призрак уже близкого преступления витал в воздухе, черными крылами своими касаясь обреченной жертвы смуты.

Отступала армия Колчака под напором большевистских сил. По железным дорогам медленно тянулись поезда с беженцами, снаряжением, припасами и т. д.

Поезд адмирала Колчака только что прибыл на станцию. На его окнах наклеены флаги пяти союзных держав: американский, английский, французский, японский и чешский; это должно было значить, что он находится под их защитой. Но флаги не помогли, а заверения союзных представителей, сделанные адмиралу, что все спокойно, что ему ничего не угрожает, оказались грубым обманом».

О самой же смерти он пишет:

«Когда поезд был окружен вооруженными рабочими, в вагон адмирала вдруг вошел чешский офицер и заявил, что по приказанию генерала Жанена чешская охрана снимается. Адмирал Колчак принял это заявление совершенно спокойно и только сказал: “Это значит, что союзники меня предали...”

В тот же день адмирал Колчак и все лица, его сопровождавшие, были отведены в Иркутскую тюрьму. Японский военный представитель, полковник Фукуда, послал к чешскому генералу Сыровому, находившемуся также на станции Иркутск, офицера с предложением передать охрану адмирала Колчака японскому батальону. Генерал Сыровой ответил, что адмирал, согласно приказанию Жанена, уже выдан повстанцам. Тогда полковник Фукуда послал офицера к правительству эсеров, прося выпустить адмирала из тюрьмы и передать японским войскам. Эсеры наотрез отказались. 24 января власть в городе была захвачена большевиками, и, таким образом, адмирал Колчак очутился в их руках. 7 февраля в 5 часов утра адмирал принял тяжелую, мучительную кончину».

Этого момента забыть нельзя, как нельзя забыть и предательства, благодаря которому погиб Колчак. Что же это, в конце концов, — ирония судьбы или урок истории? Адмирал Колчак, работавший в Сибири совместно с генералом Жаненом, которого французское правительство прислало якобы ему в помощь, был выдан революционной черни по приказанию этого же самого Жанена.

Кстати будет заметить, что адмирал Колчак был убежденным сторонником дальнейшего выполнения всех обязательств, принятых на себя императорским правительством по отношению к державам Согласия. Адмирал продолжал еще верить в искренность симпатий союзников к России и в их желание восстановить ее в прежнем могуществе. Он не знал, что катастрофальные русские беды вызваны именно ими, не знал, что ими же уничтожен и столь близкий ему Черноморский флот, как не знал и того, что погибнет по их же вине...

Сухой отрывистый звук револьверного выстрела, штык, с сатанинским злорадством поворачиваемый в груди адмирала, предсмертный, еле слышный, вздох...

Где теперь генерал Жанен? Встает ли перед ним хоть временами окровавленная тень преданного им Колчака? Не слышатся ли ему, хоть в тайниках его совести, жуткие слова покойного адмирала: «Это значит, что союзники меня предали...»?

Весть о гибели адмирала мгновенно разлетелась во все концы мира. Никто не улавливал сущности происшедшего. Как, адмирала отдали на растерзание революционерам? Почему это могло случиться? Писалось необыкновенно много и на всякие лады: левые, уходя в тень и умывая руки (кроме торжествующих большевиков), правые, среди которых было много и не совсем согласных с его основной линией политики, все одинаково — с грустью.

Вот сообщение «Таймс»:

«Винником взятия в плен адмирала Колчака является французский генерал. Адмирал был выдан чехосло-